

О СВЯЗИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С СИСТЕМОЙ ПРАВА

И.А. Кузьмин

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», г. Иркутск

Статья посвящена исследованию проблемы связи юридической ответственности с системой права. Рассмотрены проблемы методологии исследования юридической ответственности как элемента системы права – межотраслевого института. Обозначены недостатки традиционных подходов к пониманию юридической ответственности и, на этой основе, предложено авторское видение юридической ответственности на уровне объективного и субъективного права. Юридическая ответственность в объективном смысле представляет собой закрепленные в санкциях правовых норм меры государственного принуждения, а в субъективном смысле – обязанность конкретного правонарушителя данные меры претерпеть. Специфика института юридической ответственности раскрыта, в том числе, с учетом реализации (динамики) ответственности и ее правотворческого конструирования. Показано взаимодействие между процессом материализации и последующего исполнения наказания с системой права.

***Ключевые слова:** позитивная юридическая ответственность, негативная юридическая ответственность, юридическая ответственность в объективном смысле, юридическая ответственность в субъективном смысле, система права, институт юридической ответственности, коллизии, государственное принуждение.*

Сохраняющиеся длительное время проблемы в понимании юридической ответственности во многом связаны с ее искаженным восприятием через призму системы права. Назовем некоторые из них.

Увлеченность большинства авторов идеями позитивной юридической ответственности (за будущее поведение) зачастую приводит к размыванию поднятой ими проблематики, которая отдаляется от реальных научных и практических потребностей. Между тем связь между негативной и позитивной формами ответственности обычно не отражается. Категоричные утверждения о том, что юридическая ответственность должна детально соответствовать всем основным признакам социальной ответственности, отрицая возможность существования видовых отличий [2, с. 15 – 16], противоречат формальной логике. Обращение к концепции позитивной ответственности в работах стало, своего рода, данью традиции, количественно увеличивающей объем публикаций при снижении их качества и «общего КПД». Анализ взаимодействия ответственности с

системой права и системой законодательства в названных обстоятельствах существенно усложняется. Не питая иллюзий, мы все-таки сохраняем надежду, что в будущих работах подобной тематики осмысление и характеристика «позитивной» стороны ответственности будут становиться более критическими и практико-ориентированными.

Следующим методологическим шаблоном работ, посвященных сущности юридической ответственности, является перечисление наиболее известных подходов к пониманию негативной ответственности. При всех достоинствах знаний о плюрализме мнений отсутствие надежной основы для изучения ответственности с точки зрения объективного и субъективного права в структуре правовой системы, системы права и системы правового регулирования лишь свидетельствует об описательном подходе. Иными словами, мы подразумеваем необходимость соблюдения, помимо плюрализма, также принципов единства, всесторонности и комплексности исследования.

Стремление рассмотреть понятие юридической ответственности посредством обращения к процессу ее осуществления – весьма странный с точки зрения методологии, но распространенный фактически подход – создает известные проблемы. Если раскрывать суть ответственности через применение мер государственного принуждения [10, с. 4; 9, с. 140], то отличить саму ответственность от ее реализации становится практически невозможно. Подобный «оттенок» имеет позиция С.С. Кузакбирдиева и Е.А. Цишковского [13, с. 66 – 68, 76], которые утверждают, что сущность ответственности выражена в юридической, прежде всего официальной, оценке поведения правонарушителя. По мнению авторов, ответственность, не получившая официальную оценку, таковой считаться не может и, видимо, возникает в момент вынесения правоприменительного акта, а не после совершения противоправного деяния. Иными словами, лицо привлекается к ответственности не за правонарушение, а за то, что было обнаружено и в отношении него вынесено властное решение! С таким подходом не согласен Н.В. Витрук [6, с. 32–34]. Попытки отдельных исследователей и практикующих юристов увидеть в сущности ответственности реализацию санкции можно понять, в свете стремления отодвинуть сложные вопросы на второй план и сконцентрироваться на процессуальной составляющей. Однако с такой позицией согласиться нельзя.

Отдельное внимание следует уделить работам, в которых законодательные конструкции ответственности и их официальные толкования приравниваются к неопровержимым, иногда аксиоматичным доказательствам наличия или отсутствия выдвигаемых авторами воззрений общетеоретического характера. Законодательство и официальные акты толкования права всегда должны быть результатом развития юридической науки, в противном случае мы меняем причину и

следствие местами и приравниваем субъективное формально-выраженное мнение публичных субъектов к научному факту, что изначально неверно, порочно и даже опасно. Например, искусственное разделение в действующем Уголовном кодексе Российской Федерации [1] освобождения от уголовной ответственности (гл. 11) и наказания (гл. 12) приводит некоторых исследователей к выводам, что до начала реализации ответственности имеет место освобождение от нее, а после реализации – освобождение от наказания [2, с. 541]. Однако при ближайшем рассмотрении можно понять, что и в первом, и во втором случае следует говорить об освобождении от ответственности, но на разных стадиях ее реализации. Несмотря на имманентную нормативную связь юридической ответственности с системой права, надлежит помнить, что правотворческая и правоприменительная деятельность осуществляется конкретными людьми, действующими в определенных политических (корпоративных) рамках и принимающих властные решения, руководствуясь своими мотивами, интересами, как правило далекими от непредвзятого мировоззрения и критического научного подхода.

Излишне упоминать, что представители отраслевых наук, используя понятия, выработанные общей теорией юридической ответственности, часто допускают серьезные ошибки, разрушая категориально-терминологический аппарат и внося методологические расхождений. В.В. Гладкий по этому поводу замечает, что «в своих общетеоретических и отраслевых исследованиях многие учёные формируют представление об ответственности, основываясь на признаках той или иной отраслевой ответственности... однако недопустимо допускать, чтобы юридическая ответственность в итоге превратилась в ту или иную отраслевую ответственность» [8, с. 42 – 43]. Юридическая ответственность – это ядро системы права [15, с. 188]. Примечательно, что ее онтологическая характеристика зачастую связывается с положениями действующего законодательства [3, с. 48].

При расширительном подходе к изучению негативного действия факторов, порождающих проблемы в понимании юридической ответственности и системы права, обнаруживаются новые перспективы для совершенствования юридической науки и практики, требующие самостоятельного изучения в масштабах всего мира, привлечения широких слоев общественности. Однако в рамках поднятой тематики мы не имеем возможности остановиться на упомянутых вопросах подробнее.

Юридическая ответственность получает свое закрепление в санкциях правовых норм в виде специальных мер государственного принуждения (наказаний), которые могут наступить за совершение противоправных деяний, указанных в гипотезах этих норм. Данные правовые предписания и следует рассматривать в качестве кирпичиков

нормативной подсистемы юридической ответственности. Нормы, складываясь в нормативные подсистемы внутри отдельных отраслей права, образуют соответствующие отраслевые институты ответственности. В свою очередь, единство всех отраслевых институтов юридической ответственности образует межотраслевой институт ответственности. Попытки объединить отраслевые институты ответственности между собой на основе иных признаков могут привести к появлению укрупненных форм ответственности на уровне правовых общностей: публично-правовая и частноправовая, материально-правовая и процессуально-правовая ответственность и т.д. Воплощение юридической ответственности с точки зрения ее закрепления в нормах права (без привязки к правоотношениям) мы называем юридической ответственностью в объективном смысле.

Выделение позитивной юридической ответственности в качестве самостоятельной правовой категории считаем методологической ошибкой, которая размывает понятие юридической ответственности и отрывает ее от своей нормативной основы. В противном случае любая существующая норма права, нарушение которой способно повлечь наступление юридической ответственности, будет являться нормой юридической ответственности. Эффективное действие юридической ответственности – важное условие обеспечения правомерного поведения и правопорядка, но отождествлять ответственность и правомерное поведение представляется нам сомнительным решением. Для интересов юридической практики говорить о реальной пользе позитивной ответственности за будущее поведение не приходится. Негативная, по-настоящему правовая, ответственность выполняет регулятивную функцию и вытекающие из нее превентивную, праввосстановительную и иные функции, достаточные для того, чтобы считать ее полноценным средством механизма правового регулирования. Показательным является тот факт, что в энциклопедии «Конституционное право» под редакцией С.А. Авакьяна [12] – одного из корифеев теории конституционно-правовой ответственности – позитивно-правовой смысл ответственности не раскрывается [4, с. 93–94].

В конечном же итоге мы придерживаемся мнения, что абсолютно отрицать существование позитивной правовой ответственности [11, с. 6] не следует, но важно оговаривать ее междисциплинарный характер, на стыке философии, социологии, психологии и юриспруденции. В праве позитивная ответственность может приобретать значение, например, при изучении субъективной стороны правонарушения в контексте его целей и мотивов. А.В. Кузьмина, проведя анализ теоретико-методологических исследований, выстраивает модельную структуру мотивационных правоприменительных ресурсов субъектов юридических отношений, обособляя 14 групп ресурсов и размещая их

по степени мотивационной эффективности. В этой структуре боязнь правовой ответственности и юридического наказания стоит на второй позиции, уступая только страху за собственную жизнь и безопасность, а также за благополучие близких людей [14, с. 34]. Результаты анализа изначально были предназначены для использования в законотворческой деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Реализация юридической ответственности происходит на основе специальных норм, регламентирующих порядок ее возложения, а также определяющих уполномоченных субъектов, которые официально участвуют в соответствующем процессе. Данные нормы образуют необходимый правовой фундамент для процессуальной и организационной подсистемы юридической ответственности. У правонарушителя юридическая ответственность становится частью его правового статуса и закрепляется в нем в виде обязанности претерпеть наказание. Здесь мы наблюдаем преломление норм ответственности через специфические свойства юридического факта – противоправного деяния – и ее закономерный переход в новое воплощение – юридическую ответственность в субъективном смысле. Значение юридических фактов в динамике системы юридической ответственности относится к серьезным вопросам правотворчества и правоприменения [7, с. 69 – 71], характеризует условия-индикаторы ее эффективности и социальной востребованности, на что особо обратил внимание В.С. Бялт [5, с. 9].

Понимание юридической ответственности в объективном и субъективном смысле позволяет избежать противоречий между ее частными трактовками как порождения объективного и субъективного права, органично объединяет в единую концептуальную мировоззренческую картину практически все известные проявления ответственности в праве. Одновременно с этим возникает возможность проследить нормативную связь между ответственностью и системой права, которая усложняется по мере материализации наказания и прекращается после его исполнения либо в любой другой момент при наличии законных оснований. Двуетное понимание юридической ответственности, разработанное В.М. Горшеневым, В.А. Кучинским и Н.А. Пьяновым, получает все большее развитие и в обозримом будущем претендует на роль ведущего методологического ориентира в соответствующих научных исследованиях.

Таким образом, в качестве источника проблем понимания юридической ответственности в системе права мы видим систему разноуровневых и многообразных факторов, совместное действие которых препятствует складыванию единого теоретико-методологического осознания правовой природы ответственности. В целях минимизации и последующего устранения негативного

полифакторного воздействия на восприятие образа юридической ответственности предлагается взять за основу названные выше базовые познавательные установки, адаптированные для предметного и непротиворечивого изучения ответственности в системе права.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 27.12.2019 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.01.2020).
2. Антология юридической ответственности: в 5 т. / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. Самара: Ас Гард, 2012. Т. 1. 544 с.
3. Беженцев А.А. Онтологический и гносеологический подходы к сущности административного правонарушения // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2019. № 4 (60). С. 42 – 50.
4. Боброва Н.А. Позитивная конституционная ответственность или вид юридической безответственности // Вестн. Международного института рынка. 2017. № 2. С. 89 – 94.
5. Бялт В.С. К вопросу о понятии и содержании юридической ответственности: теоретико-правовой аспект // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 1 (43). С. 9 – 16.
6. Витрук Н. В. Общая теория юридической ответственности: монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма, 2009. 259 с.
7. Волчецкая Т.С., Примаков Т.К. Новая интерпретация понятия «юридический факт» с позиций ситуационного подхода // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. 2017. № 4 (50). С. 69 – 72.
8. Гладкий В.В. Проблемы универсального понимания термина «юридическая ответственность»: исторический контекст // Актуальные научные исследования в современном мире. 2017. № 4 (24). С. 37 – 50.
9. Денисов Ю.А. Общая теория правонарушения и ответственности (социологический и юридический аспекты). Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. 142 с.
10. Игнатенко В.В. Юридическая ответственность участников выборов: учеб. пособие. Иркутск: Избират. комис. Иркутской обл., 2006. 88 с.
11. Кожевников В.В. К проблеме теории юридической ответственности // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2018. № 28. С. 5 – 19.
12. Конституционное право: энцикл. словарь / отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Норма, 2000. 688 с.
13. Кузакбирдиев С.С., Цишковский Е.А. Понятие и сущность юридической ответственности (вопросы теории). Тюмень: Тюмен. ин-т повыш. квалиф. сотруд. МВД РФ, 2002. 77 с.
14. Кузьмина А.В. Культура реализации права и её роль в гармонизации конструктивных интересов субъектов юридических отношений: анализ теоретико-методологических исследований. М.: Гос. Дума, 2015. 80 с.
15. Пикин И.В., Пикина Т.В. Проблема определения правового статуса личности при юридической ответственности // Вестн. Владимир. юридического института. 2015. № 1. С. 188 – 190.

Об авторе:

КУЗЬМИН Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры теории и истории государства и права Иркутского юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации» (Россия, Иркутск, ул. Шевцова, 1); SPIN-код: 2206-9144, e-mail: grafik-87@mail.ru

THE RELATIONSHIP OF LEGAL LIABILITY WITH THE SYSTEM OF LAW

I.A. Kuzmin

Irkutsk Law Institute (branch) University of the Prosecutor of the Russian Federation, Irkutsk City

The article is devoted to the study of the problem of the relationship of legal liability with the system of law. The problems of the methodology of the study of legal liability as element of the system of law – interdisciplinary institution are considered. Deficiencies of traditional approaches to understanding legal liability are identified and, on this basis, an author's vision of legal liability at the level of objective and subjective law is proposed. Legal liability in an objective sense is a measure of state coercion enshrined in the sanctions of legal norms, and in the subjective sense is the duty of a specific offender to undergo these measures. The specifics of the institute of legal liability is disclosed, including, taking into account the implementation (dynamics) of liability and its law-making construction. The interaction between the process of materialization and the subsequent execution of punishment with the system of law is shown.

Keywords: *positive legal liability, negative legal liability, legal liability in an objective sense, legal liability in a subjective sense, system of law, the institution of legal liability, conflicts, state coercion.*

About the author:

KUZMIN Igor – PhD, assistant professor of the department of theory and history of state and law of the Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Russia, Irkutsk, Shevtsova st. 1); SPIN-code: 2206-9144, e-mail: grafik-87@mail.ru

Кузьмин И. А. О связи юридической ответственности с системой права // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (62). С. 117–123.